

На берегах легендарного Халхин-Гола

75 лет назад советско-монгольские войска отстаивали неприкосновенность территории МНР и дальневосточных границ СССР

Ирина ВОРОНКОВА,
старший научный
сотрудник отдела
военной истории
и межгосударственных
отношений Института
истории НАН Беларуси

Захват Японией в 1931–1932 годах северо-восточного региона Китая – Маньчжурии – и создание там марионеточного государства Маньчжоу-Го резко увеличили военную опасность для Советского Союза: прямо у его рубежей оказалась регулярная, хорошо обученная и вооруженная Квантунская армия Страны восходящего солнца. Кроме того, Япония не оставляла намерений прорваться через территорию Монгольской Народной Республики к озеру Байкал и отторгнуть Дальневосточный край от СССР. Весной 1939 года в районе монгольской реки Халхин-Гол вспыхнул крупный вооруженный конфликт, который вошел в историю как «необъявленная война».

Монгольское правительство еще в 1934 году обратилось к СССР с просьбой оказать помощь в случае нападения японо-маньчжурских войск. Советская сторона ответила согласием и 27 ноября 1934 года заключила с МНР так называемое Джентльменское, то есть устное, соглашение, предусматривавшее «взаимную поддержку всеми мерами в деле предотвращения и предупреждения угрозы военного нападения, а также оказание друг другу помощи и поддержки в случае нападения какой-нибудь третьей стороны на Союз Советских Социалистических Республик или Монгольскую Народную Республику» [1, с. 136–137].

События не заставили долго ждать: с 1935 года японцы начали совершать ре-

гулярные вооруженные провокации на маньчжурско-монгольской границе. 1 марта 1936 года И. Сталин принял в Кремле председателя американского газетного объединения Scripps-Howard Newspapers Р. Говарда. На вопрос последнего, какова будет позиция Советского Союза, если Япония развернет военные действия против МНР, Сталин ответил: «В случае, если Япония решится напасть на Монгольскую Народную Республику, покушаясь на ее независимость, нам придется помочь Монгольской Народной Республике...» [1, с. 105–106].

В СССР была немедленно организована пропагандистская кампания в поддержку этого заявления. Участвовала в этом процессе и Беларусь. В начале марта 1936-го газета «Звезда» сообщала, что в республике повсеместно проходят массовые митинги, на которых «працоўныя БССР з вялікім уздымам абмяркоўваюць гутарку таварыша Сталіна», и привела конкретные примеры. Так, представители коллектива минской швейной фабрики «Октябрь» заявили: «Па першаму закліку мы пойдзем на дапамогу Манголіі». Стахановка Минского лесопильного завода Хомякова не сомневалась, что слова Сталина об оказании помощи МНР послужат предостережением для японских империалистов. Рабочий Бобруйского ле-

ОБ АВТОРЕ

ВОРОНКОВА Ирина Юрьевна.

Родилась в Минске. В 1972 году окончила исторический факультет Белорусского государственного университета. В 1972–2004 годах в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны прошла трудовой путь от экскурсовода до заместителя директора по научной работе.

С 2005 года – научный сотрудник отдела военной истории и межгосударственных отношений Института истории НАН Беларуси.

Автор двух монографий и более 50 научных статей.

Сфера научных интересов: история Беларуси в период локальных войн и военных конфликтов 1920–1930-х годов, Второй мировой войны; музейное дело.

сокомбината Гладышев высказал уверенность, что устами Сталина объявил о защите Монголии весь советский народ [2].

Позиция советского вождя, без сомнения, ускорила решение дипломатической стороны вопроса: 12 марта 1936 года Джентльменское соглашение было документально оформлено Протоколом о взаимопомощи, главный смысл которого, как и ранее, заключался в обязательстве правительств обеих стран «в случае военного нападения на одну из Договаривающихся сторон оказать друг другу всяческую, в том числе и военную помощь» [1, с. 136–137]. Данный документ подвел правовую основу под дальнейшие отношения СССР и МНР в военной сфере. При этом в опубликованном официальном сообщении подчеркивалось, что протокол «является... глубоко мирным документом. Злейшие враги Советского Союза не найдут в нем ни одной строки, ни одного слова, которое не свидетельствовало бы о том, что протокол имеет одну единственную цель – предупредить охотников до чужих территорий, что СССР готов помочь монгольскому народу в случае, если он сделается жертвой нападения со стороны агрессора» [3]. Однако не подлежит сомнению, что декларированная советским руководством защита МНР имела первоосновой оборонительные, военно-стратегические и политические интересы самого Советского Союза.

Протокол о взаимопомощи предполагал ввод на территорию Монголии советского воинского контингента с целью обороны МНР и советского Забайкалья. При подготовке этой крупнейшей операции по переброске войск и боевой техники были учтены особенности будущего театра военных действий. Голая монгольская степь, без естественных преград и дорог, требовала использования не стрелковых войск, а специальных мобильных мотоброневых подразделений, способных к самостоятельным, быстрым, длительным действиям против кавалерии – ударной силы Квантунской армии. В связи с этим в марте 1936 года в войсках Забайкальского военного округа (ЗабВО) впервые в Красной армии были сформированы Отдельная мотоброневая бригада специального назначения и Отдельный мотоброневой полк специального назначения. Именно они первыми перешли советско-монгольскую границу 6 июня 1936 года. В составе войск Отдельной мо-

тоброневой бригады находился начальник разведывательной части штаба бригады С. Вершкович, уроженец д. Сельцо Молодечненского района [4, с. 120–121].

7 июля 1937 года Япония, спровоцировав инцидент у моста Лугоуцяо, приступила ко второму этапу агрессии против Китая. Военные действия охватывали все новые районы, в том числе в направлении границы МНР. Это подтолкнуло Советский Союз к усилению своих войск на территории Монголии новыми контингентами. 4 сентября 1937 года все части Красной армии, размещенные в МНР, были сведены в 57-й Особый корпус войск ЗабВО.

Тем временем командование Квантунской армии определилось с местом нанесения удара по советско-монгольским войскам, наметив для него 70-километровый участок маньчжурско-монгольской границы вдоль реки Халхин-Гол. При этом, как и год назад на озере Хасан, Япония воспользовалась фактом нечеткой демаркации границы. Учитывалась также слабость Монгольской народно-революционной армии (МНРА), обескровленной, по примеру «старшего брата» – СССР, политическими репрессиями, уничтожившими большинство высшего и старшего командного состава армии.

В мае 1939 года, то есть непосредственно к началу конфликта, 57-й Особый корпус под командованием комдива Н. Фекленко насчитывал 30 тыс. военнослужащих, 265 танков, 280 бронемашин, 107 боевых самолетов разных типов [5, с. 4]. Штаб корпуса размещался в столице МНР г. Улан-Батор на значительном расстоянии от расположения войск, что негативно сказалось на их боевой подготовке и в целом на оценке военной ситуации: угрожаемый район фактически не изучался, не было рекогносцировок на местности. Командование корпуса долго считало, что все происходившее в районе Халхин-Гола – это не более чем «мелкие пограничные пустяки и дело до войны не дойдет» [6, л. 7–8].

Однако утром 11 мая 1939 года отряд маньчжурской конницы при поддержке броневиков напал на монгольскую погранзаставу у сопки Номон-Хан-Бурд-Обо, а 14 мая около 300 японо-маньчжурских кавалеристов прорвались к реке Халхин-Гол. 15 мая в дело вступили уже более крупные силы, в том числе японская бомбардировочная авиация.

В сложившейся ситуации руководство СССР вручило послу Японии ноту протеста в связи с агрессивными действиями против страны-союзницы, оставленную японским правительством без внимания, что фактически означало открытие масштабных военных действий. И они не замедлили развернуться: с 21 мая в воздушном пространстве, затем на земле.

Первые же воздушные бои выявили значительные недостатки в боевой подготовке советских летчиков-истребителей. Оказалось, что пилотов вообще не обучали приемам воздушного боя, чтобы исключить летные происшествия и потерю авиатехники. 28 мая комкор Фекленко в донесении на имя начальника Генерального штаба РККА Б. Шапошникова констатировал, что в воздухе господствует японская авиация, советские летчики не в состоянии прикрыть наземные войска, поэтому удержать плацдарм на восточном берегу Халхин-Гола можно только с большими потерями от авиации противника [5, с. 9].

Были предприняты срочные меры. 29 мая в Монголию направили элиту советских ВВС: 48 летчиков и авиаспециалистов, среди которых было 11 Героев Советского Союза во главе с заместителем начальника ВВС РККА комкором Я. Смушкевичем, долгое время служившим на территории Беларуси. Большинство летчиков имели опыт участия в боевых действиях в Испании и Китае, в том числе белорусы С. Грицевец, уроженец д. Боровцы Барановичского района, и П. Смоляков, родом из д. Буда Могилевской области.

Воздушные асы должны были организовать летную и боевую подготовку и лично принять участие в боевых действиях.

По итогам майских боев на земле и в воздухе, крайне неудачных для советской стороны, стала очевидной необходимость смены дальневосточного военного руководства. В Москву срочно вызвали заместителя командующего Белорусским Особым военным округом (БОВО) по кавалерии комдива (с 31 июля 1939 г. – комкора) Г. Жукова. 5 июня он прилетел в Монголию с группой военных специалистов, среди которых находился начальник Главного автобронетанкового управления Д. Павлов (будущий командующий Западным Особым военным округом) [7, с. 170].

Одновременно началось наращивание советского воинского контингента в Монголии. В том числе из БОВО был переброшен 70-й истребительный авиаполк под командованием майора В. Забалуева. 5 июля в Чите был создан новый орган стратегического руководства вооруженными силами Дальнего Востока – фронтовая группа войск во главе с командармом 2-го ранга Г. Штерном. На базе 57-го Особого корпуса сформировали 1-ю армейскую группу под командованием Жукова с подчинением фронтовой группе войск. Монгольские войска возглавлял маршал МНР Х. Чойбалсан.

26 июня 17 японских самолетов появились в районе озера Буир-Нур, им навстречу вылетели 40 истребителей из 70-го полка во главе с В. Забалуевым. Но самолеты противника оказались лишь приманкой, поскольку вскоре появилось еще более 40 японских машин. Самолет Забалуева был подбит и совершил вынужденную посадку на маньчжурской территории. Участник боя майор С. Грицевец, рискуя оказаться в плену, посадил свой самолет рядом с машиной командира. С трудом втиснувшись вдвоем в кабину И-16, летчики взлетели буквально под носом у приближавшихся маньчжурских кавалеристов.

Подвиг С. Грицевца получил широкую известность. Кроме того, по итогам воздушных боев в небе Халхин-Гола наш земляк одержал 12 индивидуальных побед, что было наивысшим показателем среди сражавшихся в Монголии советских летчиков. Не случайно в начале июля, когда в Монголию была направлена эскадрилья новейших ис-

▼ Командарм 2-го ранга Г.М. Штерн, маршал МНР Х. Чойбалсан и комкор Г.К. Жуков на командном пункте Хамар-Даб

требителей И-153, ее доверили возглавить именно С. Грицевцу.

Боевой товарищ Грицевца П. Смоляков на Халхин-Голе совершил 90 боевых вылетов, провел 11 воздушных боев, лично сбил 2 самолета противника [8, с. 477].

2 июля штаб Квантунской армии приступил ко второму этапу операции, в ходе которого предполагалось форсировать Халхин-Гол и, продвигаясь по западному берегу, захватить переправы, а затем окружить и уничтожить советские войска на восточном берегу. Японское командование было настолько уверено в успехе, что пригласило в район боевых действий в качестве наблюдателей военных атташе некоторых стран, в первую очередь Германии и Италии, а также корреспондентов печатных изданий.

В ночь на 3 июля японские войска силами ударной группы скрытно переправились через Халхин-Гол, потеснили монгольскую кавалерийскую часть и захватили гору Баин-Цаган, а также прилегающие к ней участки, создав серьезную угрозу тылу советско-монгольской группировки.

Все советские резервы были немедленно подняты по боевой тревоге. На ближайшем расстоянии от горы находилась 11-я легкотанковая бригада и мотоброневые части. Поэтому, несмотря на то что самостоятельный удар танковых и мотоброневых сил без поддержки пехоты до этого времени в советском военном искусстве не практиковался, в связи с чрезвычайной критичностью положения Жуков все же приказал им наступать. Спротивление противника удалось сломить к 3 часам утра 5 июля ценой огромных потерь: только 11-я легкотанковая бригада потеряла больше половины танков и личного состава. Недаром Жуков позже назвал эти бои «баин-цаганским побоищем» [7, с. 153].

В том сражении пали и многие наши земляки: старшие лейтенанты С. Кленов (Кричев) и П. Петруненко (д. Иванки Брагинского района), младший командир Т. Бакунов (д. Волкулаково Дубровенского района); старшина П. Прудников (д. Новый Дедин Климовичского района); красноармейцы А. Прощаев (д. Малая Дятель Дубровенского района), А. Сачонок (д. Давляды Наровлянского района) и другие [9, с. 216, 361, 485, 507].

С 12 по 21 июля в боевых действиях наблюдался некоторый перерыв, связан-

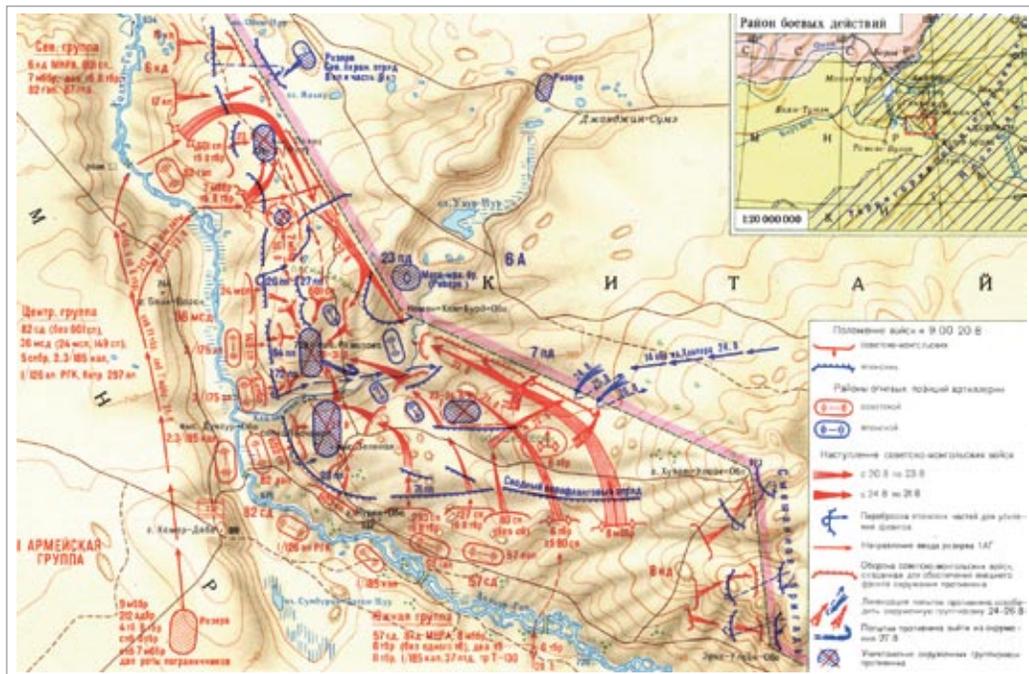
▲ Водружение знамени над рекой Халхин-Гол

ный с сильным ухудшением погодных условий. Обе стороны использовали его для реорганизации и наращивания наземных и воздушных сил. Из БОВО прилетел 56-й скоростной бомбардировочный авиаполк. Прибыла также сводная эскадрилья морских истребителей, сформированная из лучших летчиков Балтийского и Черноморского флотов. В ее составе находился летчик ВВС Балтфлота А. Антоненко, уроженец д. Васьковичи Витебского района. В боях на Халхин-Голе он уничтожил 6 самолетов противника, был награжден орденом Ленина. В начале Великой Отечественной войны в боях на ленинградском направлении капитан Антоненко сбил 4 вражеских самолета, за что 14 июля 1941 года был удостоен звания Героя Советского Союза (первый из

▼ Летчики-истребители на Халхин-Голе

► Разгром японской группировки у реки Халхин-Гол 20–31 августа 1939 года

белорусов в годы войны). Погиб 26 июля 1941 года [10, с. 333].

К 20 августа, то есть к началу главного наступления советско-монгольских войск, их группировка насчитывала 57 тыс. человек, 542 орудия и миномета, 2255 станковых и ручных пулеметов, 498 танков, 346 бронемашин, 515 боевых самолетов [6, л. 16–18]. Все японские войска были сведены в 6-ю отдельную армию под командованием генерала О. Риппо: более 75 тыс. человек, 500 артиллерийских орудий, 182 танка, 500 самолетов [11, с. 196].

Советское командование планировало «сковать» противника частью сил с фронта и одновременно охватывающими ударами по флангам окружить и уничтожить между рекой Халхин-Гол и государственной границей. План был основан на умелой перегруппировке войск, что, в отсутствие перевеса в живой силе, обеспечивало решающее преимущество на главных направлениях.

В разработке плана участвовал опытный штабист полковник С. Любарский, родом из д. Старые Пески Березовского района, который в 1938 году окончил Военную академию Генерального штаба РККА. За Халхин-Гол был награжден орденом Красного Знамени. В дальнейшем он принимал участие в подготовке и проведении многих крупных операций Великой Отечественной войны. Погиб,

будучи уже генерал-лейтенантом, 16 апреля 1945 года на территории Германии [12, с. 294–296].

Накануне наступления была проделана огромная работа по рекогносцировке переднего края японской обороны; данные уточнялись воздушной разведкой, захватом «языков». Большой эффект дала дезинформация противника, которая должна была создать впечатление перехода советской стороны к обороне: в войсках распространялась специально отпечатанная «Памятка бойцу в обороне», мощная звуковещательная станция имитировала звуки оборонительных работ, вдоль фронта постоянно курсировали несколько танков со снятыми глушителями, чтобы приучить японцев к танковому шуму. На высочайший уровень была поднята пропагандистская работа в частях, в которой активно участвовал ряд советских журналистов, прикомандированных к редакции газеты 1-й армейской группы «Героическая красноармейская». В ее составе находился, в частности, К. Симонов, создавший тогда же цикл стихов, посвященных халхин-гольским событиям, а в 1952 году – роман «Товарищи по оружию», в котором одним из главных героев является танкист-белорус, выведенный под именем Константина Климовича.

20 августа советские и монгольские войска начали наступательную операцию

по окружению и уничтожению японской группировки на восточном берегу Халхин-Гола. В 5:40 по японским позициям нанесли удар 150 скоростных бомбардировщиков под прикрытием 144 истребителей. Специальные группы из 46 штурмовиков подавили огонь зенитной артиллерии противника. В 6:15 началась артподготовка, которая продолжалась до 9:00. За 15 минут до ее окончания ударила вторая волна из 52 скоростных бомбардировщиков в сопровождении 162 истребителей.

В 9:00 под торжественные звуки «Интернационала», доносившиеся из установленных на передовой репродукторов, в атаку пошли танки, бронемашины и пехота. В рядах 36-й Забайкальской и 82-й стрелковых дивизий, атаковавших противника с фронта в составе Центральной группы войск, находились и погибли в этот первый день наступления белорусы лейтенант П. Пинчук (д. Заречка Копаткевичского района), курсант А. Гриневиц (г. Дзержинск), красноармеец М. Ионин (д. Обали Любанского района) и другие [9, с. 288, 341–342, 487].

Оправившись от внезапной атаки советских войск, японцы развернули 21 августа упорные оборонительные бои. По свидетельству Г. Жукова, главные трудности заключались в материально-техническом обеспечении войск: все необходимое приходилось подвозить за 650–700 км, так как ближайшие пункты снабжения находились на советской территории. Боевые действия осложнялись также сыпучими песками, глубокими котлованами и барханами; советских воинов заедали комары, в то время как японцы были обеспечены специальными накомарниками.

Несмотря ни на что, советские войска продолжали наступление, охватывая противника кольцом с севера и юга. Полная блокада японской группировки к югу от Халхин-Гола завершилась 28 августа. На северном берегу реки вплоть до утра 31 августа продолжалась ликвидация одиночек и мелких групп, засевших в блиндажах или пытавшихся вырваться из окружения. Еще полмесяца шли постоянные перестрелки, а 4, 8 и 13 сентября японцы даже предприняли атаки советских позиций. Имели место и воздушные бои. В ходе решающего наступления 21–29 августа погибли многие наши земляки из состава стрелковых, мо-

тоброневых, танковых, авиационных частей: старший лейтенант А. Тарасов (г. Борисов); лейтенанты И. Ревяков (г. Жлобин), Ф. Павленко (д. Гдень Брагинского района), Н. Константинов (г. Витебск); младшие командиры И. Боровиков (Гомель), Ф. Гоголь (д. Луговая Толочинского района); старшина Я. Сидоренко (д. Каничи Костюковичского района); красноармейцы В. Вейс (г. Бобруйск), И. Шпаньков (д. Новая Буда Гомельского района), С. Гостинов (д. Яценко Узденского района), Н. Сплэнзер (д. Поповцы Краснослободского района), Я. Глезер (г. Слуцк), М. Ермак (д. Малые Зимовищи Мозырского района), Г. Харчаковский (д. Крупка Лельчицкого района), А. Голубовский (г. Толочин) и другие [9, с. 239, 257, 276–277, 279, 285, 314, 376, 474, 513, 538, 551, 593, 626].

Тем временем подписание в Москве 23 августа договора о ненападении между СССР и Германией обескуражило японцев, оставшихся фактически один на один с таким грозным противником, как Советский Союз. 28 августа подал в отставку кабинет министров Японии во главе с Х. Кутаро, одним из тех, кто развязал авантюру на Халхин-Голе. В начале сентября новое правительство С. Того обратилось к СССР с предложением о перемирии. Переговоры начались в Кремле и закончились подписанием 15 сентября соглашения между СССР, МНР и Японией, по которому боевые действия в районе конфликта прекратились с 13:00 16 сентября 1939 г.

▼ Советские летчики позируют фотографу с трофейным автомобилем-вездеходом

Безвозвратные потери советских войск с середины мая до середины сентября 1939 года составили 9695 человек убитыми, умершими от ран, пропавшими без вести. Санитарные потери – 15 952 человека (ранеными, контужеными, заболевшими) [13, с. 111]. Войска МНР в этот же период потеряли 566 человек, в том числе убитыми и умершими от ран – 165 человек [14, л. 476, 481].

Общие потери японских войск на Халхин-Голе составили около 61 тыс. человек убитыми, ранеными, пропавшими без вести, пленными. В этом количестве убитые составляли 25 тыс. человек [13, с. 111].

По результатам боев орденосносными стали 24 соединения, части и подразделения РККА. 70-й истребительный авиаполк, прибывший из БОВО, был награжден орденом Красного Знамени. Советскими орденами и медалями наградили 17 074 военнослужащих РККА и 99 воинов МНРА [15, л. 292]. Многие советские бойцы, командиры и политработники получили ордена и медали МНР.

В разгар боев на Халхин-Голе, 1 августа 1939 года, была учреждена высшая награда СССР – медаль Золотая Звезда, которую стали вручать вместе с орденом Ленина лицам, удостоенным звания Героя Совет-

ского Союза. За особые заслуги в боях на Халхин-Голе Героями Советского Союза стали 70 военнослужащих, из них 21 человек посмертно. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1939 года летчики С. Грицевец и Г. Кравченко первыми в стране стали дважды Героями Советского Союза «за образцовое выполнение боевых заданий и выдающийся героизм, проявленный при выполнении боевых заданий» [16].

Среди других военнослужащих орденами Ленина были посмертно награждены старший лейтенант 9-й мотоброневой бригады минчанин Е. Кореняко; лейтенант 150-го смешанного авиаполка Е. Волков, уроженец д. Селец Буда-Кошелевского района; старшины 56-го скоростного бомбардировочного авиаполка С. Краско из д. Гарани Бешенковичского района [9, с. 264, 378, 387] и А. Шипкевич из д. Леонцевичи Минского района [17, с. 128].

Наши соотечественники, которые вышли из боев живыми, достойно применили приобретенный в монгольских степях опыт в сражениях Великой Отечественной войны. Многие бывшие халхин-гольцы стали Героями Советского Союза: артиллерист минчанин И. Богушевич; летчики Я. Гончаров (д. Козловка Мстиславского района), Н. Шутт (г. п. Плещеницы Логойского района); пехотинцы Ф. Жгиров (д. Гута Рогачевского района), Д. Морозов (д. Казимировка Лоевского района), А. Терешков (д. Корма Добрушского района).

Халхин-гольцами были такие имениные земляки, как генерал-лейтенант авиации В. Бибиков (г. Славгород), генерал-лейтенант В. Бочков (д. Казимировская Слободка Жлобинского района), генерал-майор инженерно-авиационной службы П. Залеский (д. Нагорные Мозырского района), генерал-майор танковых войск К. Сулейков (д. Климовка Гомельского района), генерал-майор М. Панфилович (г. Чаусы).

Память об общем боевом прошлом в Монголии не забыта. Имена многих погибших советских и монгольских воинов увековечены на памятнике Победы в г. Чойбалсан. В 1971 году в столице МНР Улан-Баторе воздвигнут величественный монумент советским интернационалистам. В сентябре 2005 года на месте массового захоронения советских воинов в районе реки Халхин-Гол был установлен пятиметровый православный крест. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Документы внешней политики СССР: в 24 т. – Т. XIX (01 января 1936 – 31 декабря 1936). – М., 1974.
2. Звезда. – 1936. – 8, 9 сакавіка.
3. Известия. – 1936. – 8 апреля.
4. Великая Отечественная. Комкоры. Военный биографический словарь: в 2 т. / Ин-т военной истории МО РФ. – Т. 2. – М.: Кучково поле, 2006.
5. Кондратьев, В.И. Халхин-Гол: Война в воздухе / В.И. Кондратьев. – М., 2002.
6. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). – Фонд 32113. – Оп. 1. – Д. 2.
7. Жуков, Г.К. Воспоминания и размышления / Г.К. Жуков. – М., 1971.
8. Абросов, С.В. Воздушная война в Испании. Хроника воздушных сражений 1936–1939 гг. / С.В. Абросов. – М., 2008.
9. Книга Памяти. 1923–1939 / Редкол.: Е.М. Чехарин (председатель), В.М. Жарков [и др.]. – М., 1998.
10. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Віцебскага раёна. – Мінск, 2004.
11. Шишов, А.В. Военные конфликты XX века. От Южной Африки до Чечни / А.В. Шишов. – М., 2006.
12. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Бярозаўскага раёна. – Мінск, 1987.
13. К 70-летию начала Второй мировой войны: исследования, документы, комментарии / Ин-т рос. истории РАН, науч. совет РАН «История междунар. отношений и внеш. политики России»; отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. – М., 2009.
14. РГВА. – Фонд 32113. – Оп. 1. – Д. 672.
15. РГВА. – Фонд 9. – Оп. 36. – Д. 3541.
16. Красная звезда. – 1939. – 18 ноября.
17. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Мінскага раёна. – Мінск, 1998.